

Е. И. БЕЛЯЕВ

Людвиг Витгенштейн: обновление философии

<Фрагменты>

Философия языка: структура языкового понимания

В произведениях Витгенштейна периода 1929–1950 гг. *тема природы философии становится центральной, и это делает его исследования метафилософскими.*

В «Логико-философском трактате» Витгенштейн в противоположность Фреге и Расселу подчеркнул, что обычный естественный язык и выражаемые им мысли имеют правильную логическую форму, и эта мысль пронизывает всю его последующую философскую деятельность. Отверг Витгенштейн и идею Дж. Мура, согласно которой логический анализ раскрывает смысл предложений обычного языка. По Витгенштейну, истина состоит, скорее, в том, что и философы, и люди как таковые понимают произносимые предложения, но не умеют дать им адекватный анализ. Он подчеркивает, что философский анализ не делает совершенным понимание философами языка в том смысле, что философ, говорящий, скажем, на английском языке, понимает его лучше, чем не-философ, говорящий по-английски. В «Философских исследованиях» он повторяет мысль «Трактата» о том, что «каждое предложение нашего языка является правильным, как оно есть», то есть что каждое предложение имеет свою специфическую логику. <...>

Но, подчеркивает Витгенштейн, языковую стихию трудно проконтролировать и систематизировать, а главное заключается в том, что «поверхностная грамматика» языка маскирует глубинные качественные различия его единиц и их логической функции: так, цифры выглядят как единичные обозначающие выражения, и философы склонны думать, что они суть имена собственные абстрактных объектов. Названия событий и процессов также внешне ведут себя как имена собственные. Укоренившееся употребление аналогий применительно к совершенно разным

видам выражения являются источником бесконечных философских ошибок и помехой на пути к философскому пониманию. Согласно Витгенштейну, обманчивость форм слов сопровождается параллельной обманчивостью форм предложений. Тожественность грамматического наклонения маскирует различие употребления, а различие употребления маскирует тождественность грамматического наклонения. Предложения с одинаковой грамматической формой, например, субъектно-предикатной, могут иметь совершенно разные употребления. Отсутствие описания употреблений слов и предложений также заставляет философов задаваться типично философскими вопросами и искать их решение там, где его нет.

Другой источник философских проблем лежит в том, что Витгенштейн назвал «мифологизацией форм нашего языка»: «в нашем языке заключена целая мифология». Задача философии — разрушить мифосозидающую функцию философствующего мышления. Эту интересную мысль Витгенштейн использовал в качестве возражения против основополагающей идеи книги Дж. Фрэзера «Золотая ветвь», согласно которой мифологическое мировоззрение есть протонаука. По Витгенштейну, Фрэзер не видит того, что в его «описании» верований дикарей он употребляет всем понятные слова, такие как «дух» и «тень», и которые не являются отголоском плохой науки (какой, например, является учение о «флогистоне»), а живыми образами. <...>

Предположительно под влиянием О. Шпенглера, согласно которому в любой исторически конкретный период наличествующий образ, скажем, «души» есть функция наличествующего языка и присущего ему способа символического отражения мира («языковой картины мира»). Витгенштейн увязывает языковые «картины» с философским осмыслением мира. Согласно Витгенштейну, языковые «картины», которые имеют родство с мифом, — это не ошибки, а критически важные факторы культуры: люди говорят о течении времени, о потоке событий, люди представляют сознание как вместилище, а умственные образы как картины, при этом способ, которым эти обороты выражений употребляются, не причиняет людям никаких проблем. Но в случае философствования имеется соблазн неправильно понимать «картину», считать ее очевидной, не учитывая ее употребления. Философ сначала принимает «картину», как она есть, а затем пытается найти ей применение: так, непонимание «картины» чисел приводит к изобретению мифа о «третьем мире», не являющимся ни духовным, ни физическим, непонимание «картины» умственных событий приводит к мифу «духовного ока», которое

самонаблюдает. По Витгенштейну, в философии имеется склонность постоянно созидать мифологию символизации или психологизации вместо рассуждения о том, что мы знаем. В философии картине приписывается смысл, совершенно не учитывающий ее действительное употребление. <...>

Статус философии и философия языка

Оппозиция Витгенштейна сциентистской концепции философии остается *постоянной*: философия — это не супернаука и не обобщение методов физики. Во-первых, наука создает теории, а философия не создает. Во-вторых, физика дает упрощенное идеализированное описание мира, представляя, скажем, световые лучи как прямые линии, а тела — как точечные массы, и она абстрагируется от вторичных факторов, например, от гравитационных сил далеких звезд при построении механики Вселенной. Но в философии идеализаций нет. Мы, соглашается Витгенштейн, можем (как это делает Б. Рассел и логические позитивисты) построить ради определенных целей идеальные языки, но их отношение к обычному естественному языку не является отношением физических идеализаций к физической реальности. В-третьих, физика ищет новые истины о материи или энергии и делает открытия относительно строения атома или природы радиации. Но в философии открытий нет. Философский анализ не является разновидностью химического анализа, открывающего неизвестное до сих пор строения или измерение человеческого мышления. Философский анализ делает напоминания о тех грамматических формах, которые разрешают взаимную заменяемость выражений в соответствующих контекстах. В этой связи Витгенштейн критикует свой «Трактат», ибо в период его написания он думал, что логический анализ когда-то откроет первичные атомарные предложения и их формы, но это мнение было заблуждением. Философы не открывают ничего нового, а так называемые «мысленные эксперименты» — эксперименты мнимые. В-четвертых, наука прогрессирует. Она решает одни проблемы и ставит другие. Но, указывает Витгенштейн, почти все проблемы философии остаются античными по происхождению, и главная причина этого состоит в том, что язык в его ключевых аспектах остался почти таким, каким он был в античные времена.

В этой связи отличие философии от *лингвистики* состоит в том, что формулировки философских проблем не являются неграмматичными, а потому они не интересуют лингвистику. Их поверхностная грамматика выглядит логически правиль-

ной, они кажутся правильно построенными осмысленными предложениями, но имплицитно они нарушают правила языка. Когда эти предложения кажутся насыщенными философским смыслом, то есть утверждают, например, истины о границах познания или о сущности вещей, тогда задача философа состоит в том, чтобы установить, почему именно такие комбинации слов являются неправильными в языке. В этом смысле философия, указывает Витгенштейн, с ее *описательными* методами имеет задачей установление «*границ*» языка, и природа нарушения этих границ — типично философскими вопросами и мнимыми ответами на них, чего не допускает обычная грамматика.

Другое различие между лингвистикой и философией состоит в том, что философия описывает язык «*изнутри*», тогда как обычная эмпирическая лингвистика описывает язык «*извне*». Хотя Витгенштейн иногда говорит о словах, его анализ языка не является *металингвистическим*. Дело в том, что для Витгенштейна границы смысла не могут быть описаны: если бы их можно было описать, тогда отрицание их описания должно иметь смысл, но если отрицание их описания имеет смысл, тогда это описание не описывает границ смысла. Как говорит Витгенштейн, утверждение о том, что что-то является логически невозможным, не есть описание возможности того, что-то невозможно, такое описание суть бессмыслица. Сказать, что данное предложение лишено смысла, не значит сказать, что его смыслом является бессмыслица. Если же это высказывание есть утверждение о знаках, а не об их значениях, тогда они описывают совершенно случайные и меняющиеся границы, скажем, английского или русского языка, а не необходимые границы смысла. <...>

Язык и проецирование реальности

Динамика развития подхода Витгенштейна к проблеме языка и мышления прослеживается от понимания мыслительного компонента как пассивного фактора к характеристике мышления как участника формирования языковых структур через привнесение интенции. Именно интенция дает стимул языковому функционированию, без нее вся структура не работает. Интенция является и тем творческим материалом, на основе которого создается картина: ведь картина имеет тот вид, который придает ей намерение познающего мир индивида. Признание языка средством реализации мысли обуславливает необходимость характеристики отношений между мышлением и действительностью. Если мысль, выражаемая предложением, практически эквивалентна смыслу

этого предложения, то соотносимость с реальностью рассматривается в терминах соответствия предложения действительности. Но в сознании формируются не только отдельные картины мира, но и картины, обеспечивающие связь, повышающие степень абстракции и т. д. Поэтому существует множественность форм предложений, сочетание которых образует своего рода систему. Предложение приобретает структуру не в зависимости только от отношений с действительностью, но в наибольшей степени в зависимости от отношений с другими, входящими в систему, называемую грамматикой языка. Отношения между предложением и системой можно сравнить с отношениями между определенной отметкой на измерительном эталоне и другими отметками на нем. Этот эталон как система мер осуществляет соотношение с действительностью, а не каждая индивидуальная отметка в отдельности.

Стремление опровергнуть психологическое объяснение процесса создания лингвистических структур приводит Витгенштейна к углубленному анализу лингвистических единиц, характеризующих так называемую ментальную деятельность: видение, слушание, чувство, размышление, вера и т. д. Для того чтобы продемонстрировать непсихологический характер процесса взаимосвязи языковых образований и действительности, используются операции по замене двусмысленных образований перифрастическими, снимающими двусмысленность, уточняется ход овладения языком и в особенности усвоения значений языковых единиц, рассматриваются образцы языковых игр, осуществляется ряд лингвистических экспериментов. Лингвистическое исследование здесь не является самоцелью, а представляет собой материальную основу, позволяющую вносить коррективы в *теорию философии*. Витгенштейн стремится показать, что множество спорных философских вопросов обладает неразрешимостью из-за своего дефектного лингвистического формирования. Поиски формы преодоления нечеткости языкового выражения указывают пути решения целого ряда проблем. В качестве основной выдвигается задача приближения предложения к реальности, отдаления лингвистического исследования от спекулятивного анализа когнитивно-мыслительных процессов. Это хорошо демонстрирует анализ так называемых метафизических предложений: они не признаются бессмысленными по той простой причине, что наличие или отсутствие смысла в них не может вообще быть доказано эмпирическим путем. В то же время подчеркивается, что только наше предубеждение заставляет нас полагать, что реальные факты должны соответствовать возникающим у нас

картинам мира. На самом же деле это не картины реального мира, а результат *проекции* на действительный мир характерных черт сформировавшейся в нашем сознании грамматики. При этом развитие грамматики не сводится к изучению традиционной грамматической системы флексий, а толкуется расширительно как система, учитывающая в первую очередь те обстоятельства, при которых могут реализоваться слова. Здесь признается, что если вообще существует нечто, показывающее на наличие жизни у знака, это его *использование*. Из этого выводится положение о *номинации* как краеугольном камне всякой лингвистической деятельности. <...>

Лингвистическая природа математики

Значительное место в поздний период творчества продолжали занимать размышления Витгенштейна о природе математического знания, представленные, в частности, в «Заметках по основаниям математики», созданных в 1937–1945 гг., одновременно с работой над первой частью «Философских исследований». Витгенштейн считал, что математика не может иметь единую грамматику, грамматик много, и с разными действиями и разными грамматиками математики связаны различные концептуальные картины, которые, по-видимому, соответствуют одним действиям, но не верны для других. Витгенштейна занимал вопрос о функции этих картин: сопутствуют ли они счету и вычислениям или отражают грамматику того, что мы называем объяснением этих действий? Витгенштейн выбирает вторую альтернативу.

Витгенштейн критиковал созданные в рамках логицистской программы системы Фреге и Рассела, отмечая, что они описывают использование языка «в вакууме», и в качестве модели математики выбрал естественный язык: математика, так же как и язык, выводит свое значение из наших форм жизни. Мысли Витгенштейна о том, что высказываниям придает смысл их использование, исчислениям — их применение, напоминают утверждение Фреге о том, что именно благодаря применению арифметика из игры вырастает в науку. Однако если Фреге имел в виду применимость истин математики к классу логических объектов, придавая математике характер открытия, то Витгенштейн исследовал применение математики к действиям человека — счету, вычислениям, которые, по его мнению, являются изобретениями, а не открытиями. <...> Структура истинного математического или логического высказывания полностью определена в языке и не зависит от каких-то внешних фактов.

Необходимость истин математики, таким образом, следует не из их очевидности или связи с реальностью, — она обусловлена тем, что мы их принимаем как части речи, которым приписаны определенные функции.

Специфика исследования так называемых математических предложений такова, что их формулирование ближе всего подходит к построению логических форм и используется для логического объяснения с помощью языковых средств хода математических преобразований, прежде всего доказательств. Вообще Витгенштейн был первым, кто подверг математическое доказательство философской рефлексии. <...>

Витгенштейн исходит из того, что само понятие математики внутренним образом связано с понятием доказательства. Последнее входит в грамматику доказываемого предложения. Оно «вписывает» предложение в систему, связывает его с другими предложениями и тем самым определяет его смысл. Критики Витгенштейна указывали на того, что его позиция противоречит всем известным фактам: что одно и то же предложение может иметь разные доказательства, в развитии математики большую роль играют предположения, и математики принимают их смысл и ищут для них доказательства. Отвечая на критику такого рода, следует подчеркнуть необходимость различать доказательства внутри определенной системы и доказательства, построение которых есть в то же время создание новой системы предложений. В первом случае метод построения доказательства для данного семейства предложений уже известен, имеются также методы перевода одних доказательств в другие, и потому можно сказать, что тут смысл предложения вполне определен до его доказательства и возможны различные доказательства одного и того же предложения. Во втором же случае доказательство действительно создает смысл предложения, а новые методы доказательства изменяют его. Тут результатом доказательства и в самом деле является совсем не то, что собирались доказывать. Результат — это осмысленное математическое предложение, а доказывалось предположение, которое является всего лишь цепочкой символов, вызывающих у математиков определенные ассоциации.

Каков же в таком случае смысл неразрешимых предложений? Витгенштейновская критика понятия неразрешимого математического предложения на первый взгляд кажется финитистской. Однако финитисты, интуиционисты, конструктивисты отказывают неразрешимым предложениям в осмысленности на том основании, что ответ на них лежит «за пределами человеческого постижения». Они спорят о том, где именно проходят

эти пределы. То есть для них неразрешимость выступает как эпистемологическая или психологическая проблема. Совершенно по-другому обстоит дело для Витгенштейна. Он анализирует не эпистемологическую, а логико-синтаксическую проблему — статус неразрешимых предложений. Понимание предложения, по Витгенштейну, предполагает знание метода его верификации. Поэтому для него неразрешимые предложения не являются предложениями — именно в силу того, что они неразрешимы. Тот факт, что о таких предложениях нельзя рассуждать на основе закона исключенного третьего, показывает как раз то, что они не являются предложениями. Витгенштейн утверждает вовсе не необходимость закона исключенного третьего или непостижимость бесконечности, но бессмысленность разговоров о неразрешимых предложениях. Неразрешимость несовместима с грамматикой категории «предложения».

Витгенштейн всегда настаивал на «обозримости» доказательства. Но это никак не было связано у него с психологизированием доказательства, с проблемой пределов познания и восприятия. Подход Витгенштейна и тут остается чисто синтаксическим. Ведь доказательства в системах предложений играют роль правил, поэтому они должны быть вняты и постигаемы, иначе они не будут правилами. Переделы обозримости зависят не от человеческих познавательных способностей, а от систем предложений. <...>

Значительное место Витгенштейн уделяет критике трансфинитных чисел. Это послужило еще одним основанием для причисления Витгенштейна к финитистам <...> Витгенштейн утверждал, что общность в математике не может иметь случайного характера, а в теории множеств она именно такова. Общность в математике должна быть внутренним отношением и показывать себя в индукции. В «Философских заметках» Витгенштейн говорит, что квантификация по числам не имеет никакого смысла. Это может означать только одно: в математике нельзя говорить об общности, ее можно только показывать — индукцией.

В то же время установка Витгенштейна принципиально отличается от брауэровской. Он не интересуется вопросами о том, как мы можем схватывать бесконечные совокупности, какие у нас, существ конечных, имеются в этом плане ограничения. Витгенштейн говорит не о психологии или эпистемологии, но о логическом синтаксисе. Он стремится показать, что грамматика выражений для конечных и для бесконечных совокупностей различна. И это должно быть отражено в адекватном символизме, в котором просто не должно быть возможности для формирования вопроса, является ли данная совокупность конечной или

бесконечной. Подобный вопрос был бы, конечно, бессмыслен, если бы символика для тех и других была различной.

Бесконечность, говорит Витгенштейн, вообще не является количеством. Синтаксис слова «бесконечное» отличается поэтому от синтаксиса слов, обозначающих числа.

Витгенштейн рассматривает канторовскую теорию множеств и учение о трансфинитных числах как базирующихся на концептуальной путанице между грамматикой конечных и грамматикой бесконечных совокупностей. Мы интерпретируем это так, что Витгенштейн выступает не против канторовской теории как некоторого формализма (верный своему принципу, что философия не должна пересматривать существующую математику), а против той ее интерпретации, которая была дана самим Г. Кантором. Интерпретации, которые сами математики дают своим символизмам, Витгенштейн называл «прозой» и считал, что именно эта «проза» создает концептуальную путаницу и порождает затруднения, требующие философского вмешательства. «Проза» Кантора состояла в том, что утверждал некую онтологическую аналогию между натуральными и трансфинитными числами. Для него трансфинитные числа были реальны точно в том смысле, что и обычные натуральные. Однако эта «проза» не определяет собой построенную им систему, ибо у него натуральные числа суть некоторые «единицы», а трансфинитные — это бесконечные последовательности следующих друг за другом единиц, то есть они явно принадлежат иной грамматической категории, нежели натуральные числа. Поэтому Кантор не имеет никакого права говорить о том, что использует тот же самый знак « $u+1$ », который определен для натуральных чисел. Витгенштейн был прав, говоря, что во всем этом есть абракадабра.

Витгенштейн являлся также последовательным критиком идеи, что необходимо строить доказательства непротиворечивости фундаментальных математических теорий. С его точки зрения, подобная идея обусловлена скептическими сомнениями в надежности математического знания. Но для него скептическое сомнение бессмысленно. Требуется не доказательство непротиворечивости, но философская терапия, которая покажет бессмысленность скептического сомнения. Терапевтической процедурой должно явиться прояснения логического статуса аксиом и противоречий.

Программа Д. Гильберта вдохновлялась представлением, что математические предложения суть описания математических фактов. По его мнению, требовалось раз и навсегда дать гарантию надежности и достоверности этих описаний, для чего и нужно

доказательство непротиворечивости. Для Витгенштейна же бессмысленна сама эта посылка — и, соответственно, весь проект. Поэтому на Витгенштейна уже не мог произвести никакого впечатления результат Геделя, что программа нереализуема. К тому же, Витгенштейн считал бессмысленным понятие «истинное, но недоказуемое математическое предложение», являющееся ядром рассуждений *К. Геделя*. <...>

Исследования по основаниям математики мотивировались желанием выяснить природу математики, обосновать ее истинность, подтвердить, что математика есть образец достоверности и основа достоверности научного знания вообще. За всем этим стоит вера в то, что математика — это особая наука, имеющая специфический предмет. Витгенштейн же утверждал: после Эйнштейна ясно, что геометрия есть просто синтаксис, то есть система логических правил, формулирующих грамматику описания феноменов. И в «Трактате», и в более поздних заметках он проводит мысль, что математические предложения — это не тавтологии, а правила, по которым формулируются описания явлений и осуществляется переход от одних описаний к другим. Правила ничего не говорят о мире, они конвенциональны.

Достоверность математических предложений состоит в том, что в них нельзя сомневаться. Не потому, что их можно подкрепить абсолютно надежным основанием, а потому, что правила — неподходящий объект для сомнения. <...>

Подытоживая, можно сказать, что в современной философии математики выступают две общие программы. Одна из них продолжает традицию Г. Фреге и концентрируется на проблемах оснований математики. Другая, новая и менее разработанная, выдвигает в качестве центральной проблему методологии математики и такие подлинно философские проблемы, как рост и прогресс математического знания, критерий оценки математических теорий, специфики математического объяснения. Нетрудно увидеть их связь с движением идей Витгенштейна от оснований математики к более конструктивной задаче построения адекватной методологии математики. <...>

Влияние Витгенштейна

Можно выделить два вида периферийного положения философии в научной культуре Запада: металингвистическую и внутрilingвистическую. Первая господствует в английской лингвистической философии, вторая развилась на почве так называемой диалектической герменевтической феноменологии

в Германии и Франции. При металингвистическом подходе анализ референциальных, денотативных свойств языка подменяется логическим анализом обыденного языка. Концептуальный аппарат металингвистической философии является логико-лингвистическим. Этот «лингвистицизм» сводит все философские проблемы к языковым и рассматривает их под углом зрения употребления языка.

Сторонники внутрилингвистического подхода стоят на позиции неререференциальной природы языкового смысла: смысл является продуктом структуры, выражающейся в отношении тождества и различия, имеющих место во фразе, дискурсе или тексте. Слово, таким образом, приобретает смысл в речевом контексте, а лингвистическое значение как таковое обусловлено не обозначением предмета или явления реальности, а внутренним динамизмом, присущим дискурсу. По нашему мнению, такой подход сближается с риторической практикой и стилистическими изысканиями, чувствительными к коннотативному аспекту смысла в языке. Таким образом, можно сделать вывод, что периферийность философии связана с возведением в абсолют такой специфической черты языка, как его относительная автономность, о которой говорит Витгенштейн (автономность грамматики), и это в ущерб другой его важной черте, подчеркивавшейся предыдущей философией, — референциальной функции языка, его способности обозначать и представлять реальную действительность. <...>

Содержание «Трактата» несет на себе отпечаток противоречия между убеждением Витгенштейна во вторичной роли философии и его страстной приверженностью идее, восходящей к античности, о главенствовании философского логоса. Это противоречие можно назвать трагическим. Философия позднего Витгенштейна связана скорее с внутрилингвистическим подходом, ставшим характерным для «континентальной философии». Употребление для языка является более важным, чем референция, утверждал Витгенштейн. Язык же уподобляется Витгенштейном игре.

В английской лингвистической философии отказ от референциальной функции языка привел к тому, что внимание лингвистического анализа оказалось ограниченным областью синтаксиса и точкой зрения, согласно которой языковой знак носит конвенциональный характер. Слова и сообщения могут выполнять различные задачи, одно и то же выражение может быть использовано то для обозначения ситуации, то как элемент языковой игры. Референция, таким образом, оказывается всего лишь разновидностью семиотического акта, формой употребления языка. Философия же понимается как критика языка.

Что касается внутрilingвистической вторичности, характерной для континентальной философии, то здесь можно выделить два подхода: герменевтический и риторический. Первый подход акцентирует внимание на отражение бытия в тексте. Второй — на механизмах производства смысла, дискурса, текста вне связи с обозначаемыми объектами. Эти подходы свидетельствуют о том, что предмет изучения философии ограничивается анализом языка.

Этот интерес различных философских направлений к проблемам языка связан с реакцией на доминирующую роль науки и техники в жизни современного общества: наука и техника овладели монополией на референциальный дискурс, язык технизируется, становится лишь средством передачи информации, тем самым человек все больше утрачивает возможность проявлять себя через язык в качестве «говорящего субъекта», что так прозорливо показал Витгенштейн.

Витгенштейн и миссия философии сегодня

По Витгенштейну, миссия философии сегодня должна состоять в критическом анализе и коррекции ошибок в культуре мышления при взгляде на современную цивилизацию. Ошибки в культуре мышления, под которой можно понимать множество допущений и мнений о познавательной силе мышления и базисной структуре мира, могут вести к разрушению культуры, к социальной и индивидуальной патологиям. К сожалению, философия не выполняет своей миссии критика и реконструктора культуры. Это объясняется тем, что в условиях доминирования в современной цивилизации науки многие философы (обычно англоязычные) переориентировались на проблемы, поднимаемые наукой. Философам отводится роль «подмастерьев» при «мастерах-ученых» в строительстве «дома знаний». Они должны готовить площадку для научного описания, разъясняя неточности языка и мышления. В результате гуманитарный срез культуры остается без анализа оснований знания.

Можно различить следующие виды философских проблем, связанных с культурой. Те секторы культуры, в которых имеют дело с истинными утверждениями, оцениваются и реконструируются в зависимости от того, могут ли их понятия быть укоренены в знании посредством выделения объектов, свойств и структур реального мира. Объяснение же социальных и индивидуальных миров может быть дано в терминах интересов, условий и т. д.

Область субъективного (внутренний мир), ценностные и нормативные измерения культуры сегодня особенно сомнительны

в силу престижа науки и эмпиризма. В то же время существуют утверждения о мире (например, о существовании пространства), которые не основаны на эмпирическом знании и не являются аналитическими истинами, будучи частью базисной структуры мира, которая делает возможным и эмпирическое знание, и деятельность человека. Далее, можно говорить о философии бизнеса, философии жизни и т. д., поскольку философия имеет дело с понятиями, желаниями и пр., что влияет на нашу жизнь и опыт. Важно иметь также взгляд на философию как на дисциплину или метод исследования. Таким образом, эпистемология, метафизика и философия различных секторов культуры составляют разделы философии, но они взаимосвязаны, так что дают когерентное описание базисной структуры культуры как целого и определяют мировоззрение, в котором все реалии подогнаны друг к другу.

Современная цивилизация характеризуется ростом скептицизма и субъективизма, против которых боролся Витгенштейн. Но он же отмечал, что в культуре существуют ресурсы, которые должны быть задействованы. Именно через ясный философский анализ и философское образование мы можем прийти к пониманию проблем, которые помогут нам преодолеть нарушения в культуре и подготовить путь для культурного обновления. Для этого философии следует сосредоточиться на предпосылках опыта, мышления и деятельности в различных секторах культуры, развить методологию для раскрытия внутренних связей категорий в структуре различных объектов и мира в целом, раскрыть способ связи культуры с этими основаниями и отобразить базисную структуру мира. Получить категориальную структуру любого объекта можно путем рассмотрения грамматики языка, используемого для его описания, так как объект является элементом опыта, но не экстенционально, а семантически. <...> Аналогичным образом должны быть представлены ментальные состояния и акты. Тогда Другой не может иметь сенсорного восприятия ментальных состояний, которые составляют мир нашего Я. Натуралисты, которые признают только научный метод, основанный на сенсорном восприятии, отрицают внутренний мир и ментальный срез реального мира.

Но одной философии недостаточно, чтобы произвести реконструкцию культуры. Должны измениться сами люди. Они должны осознать, что цивилизация, которая определяет человеческую деятельность в терминах стяжания богатства и силы, не создает возможностей для осмысленной жизни, которая могла бы удовлетворить глубокие человеческие требования. Люди должны

осознать, что материальный способ жизни и создаваемые им теория познания и мировоззрение подрывают культуру, хотя и поддерживают наши институты, социальный порядок и даже саму научную деятельность. Кроме того, люди должны понять, что ориентиры на бесконечный экономический рост могут разрушить жизнь на планете за очень короткий срок. Философия, искусство, религия, экология, все гуманитарные дисциплины должны обратить внимание людей на эти вопросы. Вот почему Витгенштейн мрачно смотрел на будущее человечества.

Философии принадлежит уникальная роль. Она должна способствовать изучению трех предыдущих культурных реформаций в западной цивилизации: греческой в VI–IV вв. до н. э., становлению христианского феодализма в результате падения Римской империи и возникновению современной западной цивилизации (XIV–XVIII вв.). В каждый из этих периодов философия помогала строительству и защите нового видения человечества, мира и культуры, создавала социальные институты и новый способ жизни.

Современное интеллектуальное видение мира и культуры обанкротилось. Многие критики утверждают, что оно не способно поддержать великую цивилизацию. Так, Рассел утверждал, что предпосылки современной науки и технологии ложны. Но эти предпосылки нельзя исключить без разрушения веры в рациональность и ценности, которые организуют нашу жизнь и наше общество. Поэтому, считал Витгенштейн, наука должна найти свое место в гуманитарной культуре, но именно как перспектива рассмотрения актуальной структуры объектов реальности, которая обеспечивает знание технологии получения, манипулирования и контроля за вещами.

